

«Дать возможность искупить кровью...»

Штрафные части РККА в годы Великой Отечественной войны

Ю. В. Рубцов*

История штрафных частей, учрежденных приказом наркома обороны СССР И. В. Сталина № 227 от 28 июля 1942 г., относится к числу наименее изученных. В первую очередь это связано с ограниченной источниковой базой, отсутствием на протяжении многих лет доступа к большинству документов и невозможностью сколько-нибудь подробного освещения боевой деятельности такого рода воинских частей в открытой печати¹. Сам приказ № 227 зачитывался в войсках и содержал лишь гриф «Без публикации», но стал известен широкому читателю только в 1988 г.²

В силу указанных причин историография проблемы стала формироваться только в последние годы и в ней по существу лишь намечены подходы к ее более полному раскрытию³.

Избегали освещения этой темы в мемуарах и советские военачальники⁴. Что касается тех участников войны, кто непосредственно воевал в штрафных частях, то их воспоминания также немногочисленны и увидели свет в основном в последние годы⁵.

К сожалению, вакуум в объективном освещении истории штрафных формирований был использован авторами псевдонаучных публикаций, в которых вымыслы соседствуют с откровенной фальсификацией, чем наносится серьезный ущерб историческим знаниям наших соотечественников.

В настоящей статье автор сделал попытку комплексно рассмотреть историю создания штрафных частей в РККА в годы Великой Отечественной войны, процесс их формирования и комплектования, конкретную боевую деятельность, правовое положение и порядок реабилитации штрафников, некоторые другие вопросы. При этом автор

опирался как на изданные в последние годы, так и выявленные им в фондах Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ) документы, а также на материалы своей переписки с участниками войны.

***

Создание в РККА штрафных частей (впервые после Гражданской войны) стало вынужденным ответом политического и военного руководства страны на сложившуюся летом 1942 г. катастрофическую обстановку на южном фланге советско-германского фронта. Нанеся Красной Армии зимой — весной 1942 г. крупные поражения в районе Любани, под Харьковом и в Крыму, вермахт к середине июля прорвал стратегический фронт на глубину до 400 км и развернул наступление в большой излучине Дона на Сталинград и Кавказ.

То, что часть рядового и командно-начальствующего состава была парализована страхом перед превосходящими силами врага, а то и полной безысходностью, подтверждали донесения особого отдела (ОО) НКВД Сталинградского фронта. «Нас предали. Пять армий бросили немцу на съедение. Кто-то выслуживается перед Гитлером. Фронт открыт и положение безнадежное», — такая точка зрения, высказанная начальником штаба артиллерии 76-й стрелковой дивизии капитаном Свечкором, была далеко не единичной.

В отмеченных ОО НКВД фронта высказываниях военнослужащих, в их переписке все чаще стали фигурировать далекие тыловые рубежи, до которых многие психологически уже были готовы отступить: «Положение у нас крайне тяжелое, почти безвыходное... Так мы довоюемся, что и на Урале

* Юрий Викторович Рубцов — д.и.н., проф. Военный Университет МО РФ.

не удержимся» (начальник отдела укомплектования штаба фронта майор Антонов); «Если на Дону не удержимся, то дела будут очень плохие, придется отступать до Урала. Если союзники нам не помогут, то сами мы не справимся с разгромом гитлеровцев» (техник автобронетанкового управления фронта капитан Погорельный)⁶.

Подобные настроения были не редкостью. Несмотря на дефицит у их носителей объективной информации, они отчасти соответствовали реальному положению дел, отражая, например, неумелое руководство войсками, недостатки вооружения и боевой техники. Но кроме того, в конкретной обстановке лета 1942 г. такие настроения отражали упадок духа многих военнослужащих, их внутреннюю готовность к дальнейшему отступлению.

Один из свидетелей беспорядочного отхода, а, порой, и бегства войск полковник Тетушкин, командир 141-й стрелковой дивизии, которая занимала оборонительный рубеж в районе Воронежа, так изложил свои горькие впечатления в письме секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову: «Ни одной организованно отступающей части я не видел на фронте от Воронежа на юг до г. Коротояк. Это были отдельные группки бойцов всех родов оружия, следовавшие, как правило, без оружия, часто даже без обуви, имея при себе вещевые мешки и котелок. Попутно они (не все, конечно) отбирали продовольствие у наших тыловых армейских учреждений и автомашины. Кто идет с винтовкой, то она обычно ржавая (а производства 1942 г.). Картина эта мне знакома по прошлому году».

Автор письма обращал внимание на недостаточную стойкость и плохую обученность пехоты, отсутствие беспрекословного повиновения младшего старшему, особенно в звене боец — младший командир. С убежденностью старого воина (а он участвовал еще в Первой мировой войне) полковник Тетушкин подсказывал один из путей решения проблемы: «У нас не хватает жесткой дисциплины, чтобы наверняка обеспечить успех в бою, чтобы никто не смел бросить свое место в окопе в любой обстановке. Умри, а держись. Все это должно быть обеспечено соответствующим законом, отраженным в уставах»⁷.

Чтобы восстановить устойчивость стратегической обороны, Ставка ВГК предприняла ряд экстренных мер. На сталинградское направление она перебросила значительную часть своих резервов — шесть общевойсковых армий и шесть танковых корпусов. 12 июля был создан Сталинградский фронт под командованием Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко.

Массирование сил и средств на угрожаемом направлении сопровождалось беспрецедентной акцией информационно-пропагандистского и дисциплинарного характера. В изданном 28 июля 1942 г. приказе наркома обороны СССР № 227 властью, пожалуй, впервые после начала войны была рас-

крыта жестокая правда о реальном положении на фронтах, о том, что дальнейшее отступление грозило Советскому Союзу военным поражением и утратой национальной независимости. Пафос приказа № 227 заключен в следующем его положении: «Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования».

Поскольку главную причину отступления нарком обороны СССР и Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин видел в недостатке порядка и дисциплины непосредственно в частях и подразделениях, он, чтобы любой ценой прекратить дальнейший отход войск, не только дал право, но и прямо потребовал на месте истреблять паникеров и трусов. Командиры рот, батальонов, полков, дивизий, комиссары и политработники, отступившие с боевой позиции без приказа командования, объявлялись предателями Родины со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В качестве одной из репрессивных санкций приказом № 227 в Красной Армии были введены штрафные формирования. Военным советам фронтов, их командующим предписывалось «сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины». В пределах армий также формировалось от пяти до десяти штрафных рот численностью 150–200 человек каждая, куда по тем же мотивам направлялись рядовые бойцы и младшие командиры⁸.

Нарком также приказал сформировать в пределах каждой армии три–пять хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода расстреливать на месте паникеров и трусов (случаи массовых расстрелов неизвестны).

Несколько позднее, 28 сентября 1942 г. первым заместителем народного комиссара обороны СССР генералом армии Г. К. Жуковым были утверждены и заместителем наркома армейским комиссаром 1 ранга Е. А. Щаденко объявлены Положения о штрафных батальонах и ротах и их штаты, а также штаты заградительных отрядов (до этого их формирование и укомплектование осуществлялось по временным штатам).

Уже на следующий день после подписания приказа № 227 начальник ГлавПУ Красной Армии генерал-лейтенант А. С. Щербаков обязал начальников политуправлений фронтов, военных округов, началь-

ников политотделов армий лично проследить за тем, чтобы документ был немедленно зачитан и разъяснен всему личному составу. «Не должно быть ни одного военнослужащего, который не знал бы приказа товарища Сталина», — подчеркивалось в директиве начальника Главного политуправления⁹. Все политорганы должны были дважды в день информировать ГлавПУ не только о ходе разъяснения приказа, но и о его выполнении.

15 августа 1942 г. А. С. Щербаков направил военным советам и начальникам политуправлений фронтов, округов, армий новую директиву, в которой вскрыл непонимание некоторыми из них политического значения приказа № 227. Он потребовал не ограничиваться формальным ознакомлением личного состава с содержанием приказа, а увязывать эту работу с воспитанием у людей стойкости и упорства в бою, с организацией штрафных частей и заградительных отрядов. Члены военных советов и руководители политуправлений обязывались лично заниматься организаторской работой и подбором подходящих кадров, не передоверяя эту работу подчиненным¹⁰.

Во исполнение сталинского приказа нарком юстиции СССР и прокурор СССР 31 июля 1942 г. издали директиву № 1096, в которой содержалась квалификация действий командиров, комиссаров и политработников, привлекаемых к суду, как говорилось в документе, «за самовольное отступление с боевой позиции без приказа вышестоящих командиров и за пропаганду дальнейшего отступления частей Красной Армии», а также определялись сроки расследования этой категории дел.

В действительности, как показывают документы и материалы, которыми располагает автор, многое определялось степенью остроты ситуации на фронте, практикой использования штрафных частей, сложившейся в том или ином соединении, законопослушностью или наоборот произволом конкретных командиров и начальников и другими подобными факторами¹¹.

Как встретили приказ № 227 в войсках? Из донесений ОО НКВД Сталинградского фронта в Управление ОО НКВД СССР следует, что часть военнослужащих, несмотря на энергичную разъяснительную работу политорганов, по-прежнему не верила в благоприятные перемены на фронте и скептически относилась к мерам, предусмотренным приказом № 227.

«Всегда после приказов все вдвое скорее делается, — без обиняков заявил интендант 3 ранга Филипченко из 226-й стрелковой дивизии. — Так будет и теперь. После этого приказа Красная Армия удирает от Ростова до Сальска вдвое быстрее...».

Помощник начальника штаба 6-й гвардейской кавалерийской дивизии Плагаев говорил своим сослуживцам: «Если бы этот приказ был раньше, то мы были бы давно разбиты».

От командиров и начальников не отставали и подчиненные. Командир отделения роты противотанковых ружей из 76-й стрелковой дивизии Галетов так «разъяснял» суть сталинского приказа: «Все равно люди, попавшие в штрафные роты, убегут на сторону противника, так как отступать им будет нельзя».

«Подогнал [немец] уже всех к р. Волге, что тогда делать, или топись, или убьет он нас на берегу, или же всех заберет в плен. Возле города Сталинграда-Царицына будет большая бойня». Это — строки из письма рядового Чечкова¹².

Но большинство командиров и бойцов рассматривали приказ «Ни шагу назад!» как необходимое в сложившейся обстановке решение в целях укрепления стойкости войск. «Приказ тов. Сталина справедливый и своевременный, — заявил на митинге командир пулеметного эскадрона 20-го гвардейского кавалерийского полка старший лейтенант Компаниец. — Я теперь сам буду, невзирая на лица, призывать трусов и паникеров к порядку. Погибнет Родина, погибнем и мы».

Кое-кто даже сетовал на то, что документ издан с некоторым запозданием. Красноармеец 1034-го стрелкового полка Найман говорил: «Если бы этот приказ был издан в начале июня, наша дивизия не оказалась бы в Сталинградской области, а крепко дралась бы за Украину»¹³.

Впечатлениям от приказа, зафиксированным по горячим следам, созвучны и воспоминания фронтовиков. «Мне эта горькая правда казалась справедливой, а суровая жесткость — оправданной. Ясно было, что дошло до края, до точки, дальше некуда, — рассказывал о своем потрясении от 227-го приказа писатель Л. И. Лазарев. — Так был настроен не только я, но и все мои товарищи... Очень многие понимали или чувствовали, что надо во что бы то ни стало выбраться из той страшной ямы, в которой мы оказались, иначе гибель, крах всего»¹⁴.

Юридически штрафные части существовали в Красной Армии с 28 июля 1942 г. до окончания советско-японской войны¹⁵. За это время было сформировано 65 отдельных штрафных батальонов (ОШБ) и 1048 отдельных штрафных рот (ОШР), причем их число не оставалось постоянным и уже с 1943 г. стало снижаться.

Всего в их составе, согласно архивным отчетно-статистическим документам Генерального штаба ВС СССР, довелось воевать 427 910 военнослужащим переменного состава. Разбивка по годам: 1942 г. — 24 993 человека, 1943 г. — 177 694 человека, 1944 г. — 143 457 человек, 1945 г. — 81 766 человек¹⁶.

При примерной ежегодной численности действующей армии в 6–6,5 млн. человек доля штрафников ничтожна — от 2,7 процента в 1943 г. до 1,3 процента в 1945 г.

Материалы статистического исследования, проведенного в Генеральном штабе ВС РФ под руководством

генерал-полковника Г. Ф. Кривошеева, дают возможность проследить динамику изменения количественных параметров на примере 1944 г., когда все фронты вели наступательные операции. Количество штрафных частей и численность их переменного состава характеризовались следующими показателями:

- общее количество штрафных батальонов на всех фронтах колебалось от 15 (в январе) до 8 (в мае), а среднемесячное их число равнялось 11, при этом среднемесячная численность штрафников в одном батальоне составляла около 226 человек;
- общее количество штрафных рот во всех армиях колебалось от 199 (в апреле) до 301 (в сентябре), а среднемесячное число рот составляло 243, при этом среднемесячная численность штрафников в одной роте составляла 102 человека.

Таким образом, одновременно в штрафных формированиях находились чуть более 27 тыс. человек, при том, что численность действующей армии на начало 1944 г. составляла 6,4 млн. человек.

Ясно, что эти цифры не позволяют говорить о сколько-нибудь заметной, тем более решающей роли штрафных формирований в войне. Тем не менее, было бы несправедливым и преуменьшать вклад штрафников в достижение Победы.

Некоторые авторы видят в учреждении штрафных частей лишь проявление жестокой природы советского политического строя.

Можно ли, тем не менее, игнорировать конкретную ситуацию, сложившуюся во второй половине 1942 г. на советско-германском фронте?

Приведем мнение Героя Советского Союза генерала армии П. Н. Лашенко, который в дни опубликования приказа № 227 был заместителем начальника штаба 60-й армии генерала И. Д. Черняховского. «Законы войны объективны. В любой армии солдата, бросившего оружие, всегда ждало суровое наказание, — рассуждал генерал. — Штрафные роты и батальоны, если не усложнять, — те же роты и батальоны, только поставленные на наиболее тяжелые участки фронта. Однако фронтовики знают, как все условно на войне: без жестокого боя немцы не отдавали ни одной деревни, ни одного города, ни одной высоты... Пребывание в штрафниках даже не влекло за собой судимости.

Так чем же были штрафные подразделения? — задавался вопросом П. Н. Лашенко и сам же отвечал: — Шансом для оступившегося, смалодушничавшего, совершившего промах возможностью искупить свою вину, снять с себя черное пятно, часто ценой собственной крови»¹⁷.

Вопреки широко распространенным заблуждениям, штрафные части, приказом № 227, не имели ничего общего с исправительными учреждениями, а представляли собой обычные стрелковые части, на которые распространялись все уставы Вооруженных сил. Разумеется, с определенными оговорками.

Принципиальная разница между штрафными и линейными частями состояла в том, что личный состав штрафных батальонов и рот подразделялся на постоянный (командно-начальствующий состав) и переменный (собственно штрафники), правовое положение которых различалось.

Кадровые военнослужащие были безоговорочно чисты перед законом. Более того, они подбирались, как потребовал нарком обороны, из числа волевых и наиболее отличившихся в боях командиров и политрабтников. Командир и комиссар ОШБ пользовались по отношению к штрафникам дисциплинарной властью командира и комиссара дивизии, командир и комиссар ОШР — властью командира и комиссара полка.

Командный состав для штрафных частей специально не готовили, выходцы из органов и частей НКВД были в нем скорее исключением, чем правилом. Назначение на должность осуществлялось в обычном порядке, правда, с предоставлением различных льгот¹⁸.

Так, всему постоянному составу сроки выслуги в званиях, по сравнению с командно-начальствующим составом обычных строевых частей, сокращались наполовину. При назначении пенсии каждый месяц службы в постоянном составе штрафной части засчитывался за шесть месяцев. Повышенным на 20–25 процентов был оклад денежного содержания.

Военнослужащие переменного состава направлялись в штрафные части на срок от одного до трех месяцев либо приказом соответствующего командира (таким правом были наделены командиры дивизий и отдельных бригад и выше в отношении офицеров, командиры полков и выше — в отношении рядового и сержантского состава), либо военным трибуналом, если были осуждены с отсрочкой исполнения приговора до окончания военных действий (на основании ст. 28–2 УК РСФСР 1926 г.)¹⁹. По ходу войны к ним присоединялись лица, освобожденные из исправительных колоний и лагерей, а до того осужденные, как правило, за нетяжкие преступления. По неполным данным, за годы войны ИТЛ и колонии НКВД досрочно освободили и передали в действующую армию около 1 млн. человек.

Правда, лишь некоторая часть из них была направлена в штрафные формирования, большинство пополнили обычные линейные части. Именно из такого контингента состояла стрелковая бригада, о которой в книге «Солдатский долг» писал маршал К. К. Рокоссовский и которую некоторые авторы ошибочно принимают за штрафное формирование²⁰.

Провинившиеся офицеры (от младшего лейтенанта до полковника) направлялись в штрафные батальоны, рядовой и сержантский состав — в штрафные роты. Офицеры попадали в штрафные роты только в том случае, если по приговору военного трибунала они были лишены воинского звания. Все

военнослужащие переменного состава, независимо от того, какое воинское звание они носили до направления в штрафную часть, были разжалованы судом или нет, воевали на положении штрафных рядовых.

Нельзя не отметить, что переменный состав штрафных батальонов отличался высокой квалификацией. Например, в составе 8-го ОШБ Сталинградского (Донского) фронта сразу после его укомплектования с петлицами рядовых солдат на гимнастерках воевали бывшие начальник штаба дивизии, начальник штаба танковой бригады, начальник политотдела стрелковой бригады, военные комиссары дивизии, танковой и стрелковой бригад, 12 командиров полков и пять командиров батальонов, 40 командиров рот и батарей, 26 политруков, 81 командир взвода. Вину искупали не только строевые командиры, но и бывшие начальник госпиталя, начальник и военком склада НКО СССР, райвоенком, начальник военторга, ответственный секретарь бюро ВЛКСМ, начальник клуба, секретарь военного трибунала, оперуполномоченный особого отдела НКВД, военфельдшер.

Как показывают выявленные в ЦАМО РФ документы, причины, по которым люди попадали в разряд штрафников, были самыми различными. Рассмотрим их на примере офицеров, в разное время оказавшихся в одном из штрафных батальонов 1-го Украинского фронта. Командир танкового взвода 204-го танкового полка 102-й отдельной танковой дивизии лейтенант П. Д. Матвиенко в районе Вязьмы в октябре 1941 г. попал в окружение. Будучи ранен в ногу, отстал от части. Скрывался от немцев, проживая в своей семье на Полтавщине, до момента прихода Красной Армии в сентябре 1943 г. Подполковник Л. С. Якунин, командир воинской части, дислоцированной в Саратове, вместе с подчиненными организовал в местном ресторане пьянку, в результате которой «учинил хулиганские действия». Офицер связи 52-й гвардейской танковой бригады лейтенант С. Т. Золотухин в июне 1944 г. утерял пакет с секретными документами. Командир взвода пешей разведки 915-го стрелкового полка лейтенант Н. А. Булат трижды получал боевую задачу по захвату контрольного пленного. Но не выполнил ее, то «умышленно сбившись с пути», то допустив «преждевременное метание гранат, чем обнаружил разведгруппу». Начальник заготовительной группы 65-й мотострелковой бригады гвардии капитан П. В. Денисов, в апреле 1944 г. командированный для заготовки зерна и картофеля, пьянствовал, разбазарил вверенное имущество. Почти пятьдесят суток не являлся к месту службы²¹.

По новому месту службы штрафникам на руки выдавалась красноармейская книжка специального образца. При необходимости они приказом по части могли назначаться на должности младшего командного состава с присвоением званий ефрейтор, младший сержант и сержант.

Если сразу после выхода в свет приказа № 227 штрафные части комплектовались военнослужащими действующей армии, направляемыми туда на основании приказа командира и по приговору военного трибунала, то затем, в ходе войны контингент штрафников заметно расширился.

В первую очередь — за счет военнослужащих тыловых воинских частей и учреждений, не входивших в действующую армию. Изданный 16 октября 1942 г. приказ наркома обороны СССР № 323 признал недопустимым положение, когда военнослужащие — дезертиры, расхитители военного имущества, пьяницы, злостные нарушители воинской дисциплины и «прочие неустойчивые элементы», осужденные военными трибуналами с применением отсрочки исполнения приговора до окончания войны, продолжали службу на прежних местах — в запасных частях, учебных центрах, учебных бригадах и полках, вновь формирующихся частях, военных училищах, тем самым фактически избегая наказания.

Затем многие из них в составе маршевых пополнений направлялись в действующую армию вместе с не имевшими судимости бойцами, принося на фронт «неорганизованность, расхлябанность, и, как следствие этого, малодушие и трусость перед лицом врага, дезертирство и другие преступления». По прибытию на передовую они растворялись в общей массе и чаще всего скрывали свою судимость. В результате не достигал цели судебный приговор, подрывался авторитет суда, расшатывалась дисциплина в частях, куда прибывало такое пополнение.

Приказ наркома обороны № 323 устанавливал следующий порядок использования контингента осужденных военными трибуналами за воинские и другие преступления с применением отсрочки исполнения приговора до окончания войны: на срок от одного до трех месяцев лица командного и начальствующего состава направлялись в штрафные батальоны, красноармейцы и младшие командиры — в штрафные роты.

Если срок пребывания в штрафной части не был определен в приговоре суда, то он устанавливался приказом командира войсковой части, в которой находился осужденный (или начальника гарнизона), исходя из меры наказания, определенной военным трибуналом. Срок пребывания в штрафной части исчислялся с момента фактического прибытия туда осужденного.

При всей суровости указанный приказ наркома обороны, как и приказ № 227, давал человеку шанс, пролив кровь, за один — три месяца стереть пятно со своей биографии. Конечно, попав в штрафную часть, осужденный мог погибнуть, но этот риск оборачивался для штрафника возможностью снять судимость и вернуть прежнее воинское звание.

Следует уточнить, что приказы наркома обороны № 227 и № 323 не определяли конкретного перечня проступков, содержащих признаки преступления,

за которые военнослужащий мог быть направлен в штрафную часть приказом соответствующего командования. Это влекло за собой разнобой и крайности в решениях военных советов и командиров. Нередки были случаи необоснованного направления в штрафные части лиц, совершивших проступки, которые не представляли большой общественной опасности.

Чтобы исправить ситуацию, 21 августа 1943 г. был издан приказ НКО № 0413, который определял конкретный перечень дисциплинарных проступков, деяний, содержащих признаки преступлений, за которые командир части был вправе направлять без суда в штрафные подразделения лиц сержантского и рядового состава, когда обычные меры дисциплинарного воздействия оказывались недостаточными²². Аналогичные права получили начальники гарнизонов, пользовавшиеся правами не ниже командиров полков, в отношении задержанных дезертиров рядового и сержантского состава, бежавших из частей действующей армии и из других гарнизонов.

Таким образом, была практически разграничена компетенция военных трибуналов и военного командования по направлению военнослужащих в штрафные части.

Приказ НКО № 0413 не лишен учета человеческой психологии. За указанные в нем воинские преступления виновные наверняка угодили бы под трибунал, который, в свою очередь, мог приговорить их к длительным срокам заключения, а дезертиров — к расстрелу. С выходом же упомянутого приказа в свет потенциальные уголовники, избегнув суд военного трибунала, получали шанс вернуть себе честное имя через штрафную роту.

Правда, и здесь не все однозначно. Как уже говорилось выше, право самостоятельно осуществлять правосудие, которое приказом № 227 и последующими приказами НКО СССР, включая приказ № 0413, закреплялось за отдельными категориями командиров и начальников, противоречило и Конституции СССР 1936 г., и действовавшему УПК. Наличие такого права давало возможность для значительных злоупотреблений властью в отношении штрафников.

Выше также говорилось, по ходу войны распространенной стала практика замены заключения в колонию или лагерь направлением в штрафную часть или даже освобождения из ИТК и ИТЛ для мобилизации в действующую армию. Из-за неправильного толкования некоторыми судами нормативных документов случалось так, что уголовникам удавалось из мест лишения свободы попадать не только в штрафные роты, но даже в штрафные батальоны. В январе 1944 г. (то есть после почти полуторагодового существования штрафных частей) заинтересованные наркоматы и Прокуратура СССР, проанализировав практику судебных органов по применению отсрочки исполнения приговора с направлением осужденных в действующую армию, установили, что в ряде случаев такая отсрочка предоставлялась необоснованно.

Совместным приказом заместителя наркома обороны маршала А. М. Василевского и наркомов внутренних дел, юстиции и Прокурора СССР № 004/0073/006/23сс от 26 января 1944 г. устанавливался единый порядок применения отсрочки исполнения приговора с направлением осужденных в действующую армию. Судам и военным трибуналам было категорически запрещено применять отсрочку к «лицам, осужденным за контрреволюционные преступления, бандитизм, разбой, грабежи, вороватости, рецидивистам, лицам, имевшим уже в прошлом судимость за перечисленные преступления, а также неоднократно дезертировавшим из Красной Армии»²³. По остальным категориям дел судам и военным трибуналам, решавшим вопрос об отсрочке с направлением осужденного в действующую армию, предлагалось учитывать личность осужденного, характер совершенного преступления и другие обстоятельства дела.

При отсутствии единого толкования правовых актов из заключения удалось вырваться не только некоторой части рецидивистов, но и отдельным заключенным, осужденным по 58-й, «политической» статье, хотя вся их вина нередко состояла в неосторожном высказывании, публично рассказанном анекдоте и т. п. Одним из таких людей был В. В. Карпов, ставший фронтовым разведчиком, Героем Советского Союза.

Поскольку штрафные формирования были по своей сути обычными стрелковыми частями, боевая деятельность и организация службы в них регулировались воинскими уставами.

«На мою долю выпало более года командовать взводом в отдельной штрафной роте. И, конечно же, неплохо знаю суть этого подразделения, — вспоминал фронтовик Н. Г. Гудошников. — Надо сказать, оно почти ничем не отличалось от обычного: та же дисциплина, тот же порядок, те же отношения между солдатами-штрафниками и офицерами. Кому-то, может быть, покажется странным, но ко мне и другим командирам обращались по-уставному: „Товарищ лейтенант“, а не по-лагерному: „Гражданин начальник“, такого я ни разу не слышал. Вооружением, продовольствием снабжали, как и положено... Никаких особых дисциплинарных и иных санкций мы к штрафникам не применяли, кроме уставных. Я часто даже забывал, что команду не совсем обычным подразделением».

«И солдатам не тыкали: „штрафник“, все были «товарищами», — развивает эту мысль бывший заместитель командира ОШР Е. А. Гольбрайх. — Не забывайте, что на штрафные части распространялся Дисциплинарный устав Красной Армии»²⁴.

Тактические возможности штрафных частей были скромными, учитывая численность личного состава и оснащенность легким вооружением — пистолетами-пулеметами ППД и ППШ, винтовками, ручными пулеметами, реже — станковыми пулеметами и ротными минометами. Их использовали в ин-

тересах соединений и частей, которым они временно придавались: штрафной батальон — стрелковой дивизии, рота — стрелковому полку.

Даже будучи укомплектованными, штрафные части редко действовали в полном составе. Как правило, их делили на группы, которые по отдельности придавались той или иной стрелковой части, что сужало их и без того скромные тактические возможности. И тем не менее при соответствующей подготовке и умелом командовании они успешно решали пусть частные, но важные боевые задачи — прорывали неприятельскую оборону, штурмовали опорные и населенные пункты, захватывали «языков», вели разведку боем.

Материалы ЦАМО РФ дают представление о конкретной боевой деятельности штрафных частей. Так, группа штрафников 9-го ОШБ 1-го Украинского фронта из 141 человека, возглавляемая комбатом гвардии подполковником Лысенко, в мае — июне 1944 г. действовала в интересах 410-го стрелкового полка 81-й стрелковой дивизии. Самостоятельно было произведено четыре ночных поиска, взято два «языка», разбиты две группы противника общей численностью в 140 человек. Собственные потери составили 22 убитых и 34 раненых.

Еще одна группа из 225 воинов (командир — старший лейтенант Баздырев) в июне 1944 г. наступала в боевых порядках 606-го стрелкового полка 317-й стрелковой дивизии. Были прорваны и взяты три линии обороны врага, подавлены две артиллерийские и три пулеметные точки, уничтожено до 500, взято в плен 25 вражеских солдат и офицеров²⁵.

В Висло-Одерской операции отличилась 123-я отдельная штрафная рота, которой командовал капитан З. М. Бунятов. Зия Мусаевич позже вспоминал: «Мне было поручено чрезвычайно опасное дело: преодолеть тройную линию обороны противника и выйти глубоко в тыл. Мы должны были взять заминированный мост длиной 80 метров через реку Пилица, при этом сохранить мост невредимым, так как по нему должна была пройти боевая техника. И мы выполнили эту задачу, но какой ценой! В этом бою из 670 бойцов в живых остались 47. Скольких я похоронил тогда, сколько писем написал их близким! Всех оставшихся в живых наградили боевыми орденами. А мне 27 февраля 1945 года было присвоено звание Героя Советского Союза»²⁶.

Штрафники, безусловно, острее, чем бойцы линейных частей, чувствовали необходимость выполнить приказ командования, невзирая ни на какие обстоятельства. Дополнительный стимул к активным действиям очевиден: чтобы рассчитывать на реабилитацию, для них одного пребывания на переднем крае было недостаточно, следовало активно проявить самопожертвование, героизм и искупить вину, как требовал приказ № 227, кровью.

По архивным документам удалось, правда, не полностью, проследить судьбу одного из штрафников рядового Виктора Павловича Щенникова. К сожалению,

не ясно, по какой причине он попал в штрафбат, но многие обстоятельства убеждают: скорее всего нелепая случайность привела его сюда с должности командира стрелкового батальона 1052-го стрелкового полка 301-й стрелковой дивизии 5-й ударной армии 4-го Украинского фронта. Не мог быть трусом или дезертиром старший лейтенант — участник боев с 1941 г., награжденный четырьмя(!) орденами, трижды раненый. На примере таких людей особенно наглядна суровая справедливость такой меры, как направление в штрафную часть (разумеется, если при этом не было, скажем, завуалированной мести со стороны прямого начальника). Такой испытанный боец предпочитал смотреть судьбе в глаза в открытом бою, нежели «исправляться» где-нибудь на лесоповале.

Вот строки из боевой характеристики на бойца-переменника Щенникова, подготовленной командиром взвода гвардии лейтенантом Балачаном сразу же по окончании боя: «При наступлении на сильно укрепленную полосу обороны противника 8 июля 1944 года... будучи первым номером ручного пулемета, он подавил огневую точку противника, чем дал возможность продвинуться остальным. Когда вышел из строя его второй номер, он взял диски и продолжал продвигаться в боевых порядках... Во время выхода с поля боя он вынес 2 ручных пулемета, 2 винтовки, 4 автомата и одного раненого командира отделения. Достоин представления к правительственной награде». На характеристике — резолюция командира роты гвардии капитана Полуэктова: «Тов. Щенников достоин досрочной реабилитации»²⁷.

Под статью Щенникову был его товарищ по расчету ручного пулемета штрафной рядовой Н. С. Корбань. Бывший старший лейтенант, адъютант старший стрелкового батальона 1340-го стрелкового полка 234-й стрелковой дивизии 4-й ударной армии 1-го Прибалтийского фронта, он, обеспечивая командира расчета боеприпасами, успел в то же время оказать помощь четверым раненым в эвакуации с поля боя, вынес два ручных пулемета и винтовку. Как отличившиеся в боях, и Щенников, и Корбань были представлены к досрочной реабилитации.

Конечно, далеко не все штрафники отличались обостренным патриотизмом, свято блюли требования воинских уставов и войскового товарищества, исповедовали высокую мораль. Война свела в штрафных частях самых разных людей, жизненные пути которых в иных условиях вряд ли пересеклись бы: от вчерашних офицеров до уголовников. Не все одинаково благосклонно относились и к власти, вина ее за сломанную собственную судьбу или судьбу своей семьи — раскулаченные, спецпереселенцы. В архивных документах отмечены факты измены Родине со стороны штрафников, дезертирства, бесчинств, от которых страдало мирное население. И все же основная масса штрафников честно исполняла воинский долг, стремилась возможно быстрее вернуть себе честное имя.

В печати встречаются утверждения, будто стойкость штрафных частей объясняется фактором страха: с тыла их якобы «караулили» заградотряды, которые, угрожая пулеметами, заставляли переменников идти вперед, а при их отступлении вели огонь на поражение по отходящим бойцам и командирам²⁸.

Такие злонамеренные утверждения не выдерживают никакой критики. Командир роты 8-го ОШБ А. В. Пыльцын, воевавший с 1943 г. до самой Победы, писал: «...За нашим батальоном ни при каких обстоятельствах не было никаких заградотрядов, не применялись и другие устрашающие меры. Просто в этом никогда не возникало такой нужды»²⁹.

Не помнил случаев, «чтобы где-то привелось увидеть пресловутый заслон», П. Д. Бараболя, во время Сталинградской битвы командовавший взводом в 610-й отдельной штрафной роте Волжской военной флотилии³⁰.

Герой Советского Союза В. В. Карпов, воевавший в 45-й отдельной штрафной роте на Калининском фронте, которая была сформирована ноябре 1942 г. из заключенных Тавдинлага, также отрицает присутствие заградотрядов за боевыми порядками их части³¹.

Реально заставы армейских заградительных отрядов располагались на удалении 1,5–2 км от передовой, перехватывая коммуникации в ближайшем тылу. Они не специализировались на штрафниках, а проверяли и задерживали всех, чье пребывание вне воинской части не вызывалось необходимостью. Отдельные случаи стрельбы по людям в горячке боя не исключены: бойцам и командирам заградотрядов в непредсказуемой обстановке могла изменить выдержка. Но нет никаких оснований утверждать, что таковой была повседневная практика. Перед строем в индивидуальном порядке карали, как правило, лишь инициаторов бегства с боевых позиций, трусов, паникеров, вражескую агентуру³².

Как ни покажется парадоксальным, но с изданием приказа № 227, несмотря на его крайне суровый характер, уровень правовой защиты военнослужащих, в том числе и заподозренных в самовольном оставлении части, повысился. Раньше отставшего, отступившего без приказа или покинувшего поле боя мог, не разбираясь, застрелить любой разгорячившийся командир или комиссар, а теперь вину военнослужащего определяли профессионалы и, как правило, не второпях. Решение о приведении в исполнение крайней меры наказания принимал не командир заградотряда, а военный трибунал дивизии или, в отдельных, заранее оговоренных случаях, начальник особого отдела армии. То обстоятельство, что борьба с дезертирством приобрела более юридически определенный характер, давало провинившемуся лишний шанс на объективное разбирательство.

В условиях кровопролитных боев, отступления, резкого ухудшения положения на том или ином участке фронта случалось и так, что людей направляли

в штрафную часть или, задержав в ближайшем тылу, даже расстреливали без всяких оснований, второпях, по ошибке, а то и злой воле. Но имеющаяся статистика (по Сталинградскому фронту) показывает, что даже по горячим следам приказа № 227 воевать дальше без какого-либо поражения в правах получили возможность более 91 процента военнослужащих, то есть абсолютное большинство до этого по разным причинам покинувших передовую³³.

Едва ли не самым болезненным вопросом являются потери штрафников. Иные авторы предвзятю, с нарочитым пренебрежением к достоверно установленным фактам пишут о них, как о пушечном мясе, которым командование жертвовало легко и без разбора. Да, свою вину (другое дело, действительную или мнимую) переменники смывали кровью. И гибли их много.

Численность погибших штрафников в масштабах всей войны еще предстоит установить. Сегодня историки располагают лишь разрозненной информацией по отдельным годам. В 1944 г., например, общие потери личного состава (убитые, умершие, раненые и заболевшие) всех штрафных формирований за год (нарастающим итогом) составили 170 298 человек постоянного состава и штрафников. Среднемесячные потери составили 14 191 человек (переменный состав — 10 506 человек, постоянный — 3685 человек), или 52 процента от среднемесячной их численности (27326 человек). Это было в 3–6 раз больше общих среднемесячных потерь личного состава в обычных войсках в тех же наступательных операциях 1944 г.³⁴. Но и при этом говорить о штрафниках как о смертниках — явное преувеличение.

Жертв могло бы быть все же меньше. Как документы, так и свидетельства фронтовиков говорят о том, что иные воинские начальники, получив в свое распоряжение штрафников, видели в них лишь преступников и не считали необходимым беречь как живую силу. Подчас бросали их в бой, не обеспечив проделывания проходов в минно-взрывных заграждениях, оставляя без огневого прикрытия или поддержки. Собственную нераспорядительность в организации артиллерийской подготовки или нежелание поддержать атакующие действия штрафников огнем начальники такого рода списывали на необходимость исправления переменного состава штрафных формирований в максимально тяжелых условиях.

Большого добивались, однако, те командиры дивизий, бригад, полков, которые во главу угла ставили не искупление вины личным составом «любой ценой», а успешное выполнение конкретных боевых задач (тем более что одно другому не мешало). Прежде чем бросить штрафников на врага, они организовывали боевую учебу, хорошо сознавая, что победы скорее добьется не слабо обученный боец, а тот, кто до автоматизма отточил навыки боевой работы. А в ходе боя или операции в полном объеме обеспечивали инже-

нерную и огневую поддержку наступающим штрафникам. Тем самым и боевые задачи такие командиры решали успешнее, и людей сберегали.

По ходу войны выработался следующий порядок освобождения переменников и их реабилитации. Период пребывания в штрафной части не мог превышать срок, определенный в приказе командира или приговоре военного трибунала и, в любом случае, составлявший не более трех месяцев. Очень часто этот срок сокращал, как ни горько, вражеский свинец. Всех погибших переменников посмертно реабилитировали, судимость с них (в случае, если они были направлены в штрафную часть военным трибуналом) снималась. Их семьям назначалась пенсия.

Те же штрафники, кому посчастливилось остаться в живых, освобождались по трем основаниям:

- досрочно в случае ранения,
- досрочно за боевое отличие,
- по отбытии назначенного срока.

Обратимся для иллюстрации к документам 9-го ОШБ. 19 июля 1944 г. его командир гвардии подполковник Лысенко ходатайствовал перед военным советом фронта о реабилитации 91 военнослужащего в связи с тем, что они «показали себя в боях с немецкими оккупантами дисциплинированными, проявили при этом храбрость, мужество и искупили свою вину перед Родиной». В течение четырехдневного боя группа штрафников, поддерживая 151-й полк 8-й стрелковой дивизии, овладела и закрепилась на безымянной высоте в районе села Млодзятый Станиславской области. 11 контратак немецкой пехоты в сопровождении самоходных орудий, поддержанных артиллерийско-минометным огнем, отразили штрафники, уничтожив при этом 200 вражеских солдат и офицеров, два танка, девять станковых пулеметов. Из этой группы переменников к реабилитации представлены: по ранению — два человека, за отличия в боях — два человека, по истечению срока пребывания в штрафной части — 87 человек³⁵.

Надо иметь в виду, что не каждого из тех военнослужащих, кто был направлен в штрафную часть военным трибуналом, ждала реабилитация, и оформлялась она не автоматически. Существовало безусловное правило: искупить вину, снять пятно судимости штрафник мог только активными, героическими действиями на поле боя. Кто не смог таким образом проявить себя, и после перевода в обычную стрелковую часть по-прежнему имел судимость и считался отбывающим наказание. От нее бывших штрафников мог освободить военный трибунал фронта лишь в том случае, если они в новой части проявляли себя «стойкими защитниками Родины».

Реабилитацию, как это требовали Положения о штрафных батальонах и ротах действующей армии, стремились провести в торжественной обстановке. Перед строем — для воспитательного эффекта — объявлялся приказ, представители штаба и полит-

управления фронта возвращали офицерам, восстановленным в правах, ордена и медали, а то и вручали полевые погоны с прежними знаками различия. Реабилитированные получали предписания убыть: одни — в свою прежнюю часть, другие — в отдельный полк резерва офицерского состава, третьи — в отдел кадров округа.

Закономерен вопрос, сказывалось ли пребывание человека в штрафной части на его дальнейшей судьбе? Законодательство не предусматривало ущемления прав штрафников по отбытии ими наказания. Больше того, Президиум Верховного Совета СССР по случаю победоносного завершения войны с гитлеровской Германией 7 июля 1945 г. объявил амнистию, которая означала, что военнослужащие, осужденные с применением отсрочки исполнения приговора до окончания войны (а такие среди штрафников составляли большинство), освобождались от наказания, и с них снималась судимость.

Но среди прошедших штрафные части было немало ранее находившихся в плену или в окружении, проживавших на оккупированной территории, а таким людям власть откровенно не доверяла. Характерен в этом смысле пример старшего лейтенанта в отставке И. И. Коржика. «Я много раз после штрафбата пытался вернуться в авиацию, — вспоминал фронтовик. — Ведь к тому времени я имел на своем счету 150 ночных боевых вылетов, был награжден орденом Красного Знамени. Но меня отправили в глубокий тыл, в запасной полк... Уже не говорю о том, что над штрафниками еще долго висел домоклов меч и после их демобилизации»³⁶.

Понятны чувства фронтовика, беззаветно воевавшего за Отечество, но так и не ощутившего полного доверия государства. Он был сбит над территорией врага, ушел в партизаны, до самого соединения со своими не выпускал из рук оружия, после чего был обидно уравнен штрафбатом с каким-нибудь дезертиром, трусом или растратчиком. Преодолев обиду, честно отвоевал и там, однако, в глазах власти так и остался человеком второго сорта, которому не было полного доверия.

Но тем выше оказалось достоинство десятков тысяч фронтовиков, которые, вопреки не всегда справедливо складывающейся судьбе, смогли, пройдя штрафные батальоны и роты, с незапятнанной репутацией встретить День Победы.

***

Учреждение в РККА летом 1942 г. штрафных частей было одной из крайних карательных мер, к которым прибегло Верховное Главнокомандование для решительного перелома положения на фронте в момент едва ли не самого тяжелого для Советского Союза и его Вооруженных сил испытания.

Штрафные батальоны и роты выступили каналом мобилизации в интересах защиты Отечества значительного числа людей, по возрасту и состоянию

здоровья способных стать в воинский строй, но в ином случае оставшихся бы за рамками действующей армии. Для почти 430 тысяч человек, совершивших преступление, оступившихся, смалодушничавших, они стали суровой, но единственной альтернативой расстрелу или многолетнему заключению в исправительно-трудовом лагере, колонии. Люди получили возможность в бою с врагом, с оружием в руках искупить свою вину. Большинство штрафников ценой пролитой на поле боя крови, а то и самой жизни смогли вновь обрести честное имя воина.

¹ Вплоть до второй половины 80-х годов прошлого века сохраняли силу Правила по сохранению военной тайны в печати Красной Армии (на военное время), утвержденные приказом заместителя наркома обороны СССР Маршала Советского Союза А. М. Василевского № 034 от 15 февраля 1944 г., в соответствии с которыми к открытому опубликованию запрещались «все сведения о заградительных отрядах, штрафных батальонах и ротах». — Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 1943–1945 гг. Т. 13 (2–3). М., 1997. С. 251.

² См.: Военно-исторический журнал, 1988, № 8. С. 73–75. Редкие исключения делались лишь для ведомственных изданий. Так, текст приказа № 227 был в полном объеме помещен в 1958 г. в учебном пособии, вышедшем в Военной академии им. М. В. Фрунзе. — См.: История военного искусства. В 6 тт. М., 1958. Т. 5. С. 780–783.

³ Ивашов Л., Рубцов Ю. В прорыв идут штрафные батальоны... // Библиотечка «Красной звезды», 1992, № 3; Лашенко П. Н. Продиктован суровой необходимостью. // Военно-исторический журнал, 1988, № 8; Пыхалов И. Великая обогнанная война. М., 2006. Гл. 14; Рубцов Ю. В. Кому — до ордена, ну, а кому — до «вышки». // Геополитика и безопасность (РАЕН), 1996, № 4; Рубцов Ю. В. Штрафники Великой Отечественной: в жизни и на экране. М., 2007.

⁴ Редкое исключение составили труды: Горбатов А. В. Годы и войны. М., 1989; Шатилов В. М. Знамя над рейхстагом. М., 1975.

⁵ Бараболя П. Д. В бой уходили штрафники. — В кн.: Живая память. Великая Отечественная: правда о войне. В 3 тт. Т. 1. М., 1995; Гольбрайх Е. Я знал, что нужен. // Дуэль, 2005, № 41, 43–45, 47; Пыльцын А. В. Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина. СПб., 2003; Сукнев М. И. Записки командира штрафбата. Воспоминания комбата. 1941–1945. М., 2006.

⁶ Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 168–169.

⁷ «Умри, а держись». // Родина, 2005, № 4. С. 30–31.

⁸ Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. — 1942 г. Т. 13 (2–2). М., 1997. С. 278.

⁹ Русский архив. Великая Отечественная. Главные политические органы Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 17–6 (1–2). М., 1996. С. 153.

¹⁰ В директиве обращалось особое внимание на то, что «приказ товарища Сталина является основным военно-политическим документом, определяющим боевые задачи всей Красной Армии и содержание партийно-политической работы на ближайший период войны». — Русский архив. Великая Отечественная. Главные политические органы... С. 161.

¹¹ Сошлемся на мнение профессионального юриста генерал-майора юстиции в отставке П. Д. Бараболи, которому самому довелось воевать в постоянном составе ОШР: «Самое же существенное упущение, на мой взгляд, состояло в отсутствии статуса, правового положения, определяющего особое (своей необычностью) место штрафных подразделений. Бараболя П. Д. Указ. соч. С. 356.

¹² Сталинградская эпопея. С. 173, 176.

¹³ Сталинградская эпопея. С. 172–173.

¹⁴ Лазарев Л. Записки пожилого человека. // Знамя, 2003, № 7. С. 122.

¹⁵ Последний штрафной батальон был сформирован в августе 1945 г. на Забайкальском фронте. Однако участвовать в боевых действиях против Японии ему не пришлось: из-за скоротечности войны его не успели укомплектовать переменным составом. — См.: Красная звезда, 2006, 15 июня.

¹⁶ Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. М., 2001. С. 441.

¹⁷ Лашенко П. Н. Указ. соч. С. 76.

¹⁸ Положения о штрафных батальонах и ротах действующей армии. — Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. — 1942 г. Т. 13 (2–2). С. 312–315.

¹⁹ Отсрочка исполнения приговора к лишению свободы до окончания войны применялась в течение 1941–1945 гг. по большинству воинских и общеуголовных преступлений и выражается следующими показателями (по воинским преступлениям): второе полугодие 1941 г. — 69,7%, 1942 г. — 78,8%, 1943 г. — 83,6%, 1944 г. — 49%, январь–май 1945 г. — 33,7%. — См.: Военно-исторический журнал, 1990, № 9. С. 11.

²⁰ См.: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1985. С. 131.

²¹ ЦАМО РФ, ф. 1257, оп. 115516, д. 4, л. 456, 464, 478; д. 8г, л. 21; д. 11, л. 32; д. 12, л. 211, 220, 237.

²² В их числе приказ называл самовольные отлучки, дезертирство, неисполнение приказа, проматывание и кражу военного имущества, нарушение уставных правил караульной службы и иные. — См.: Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 1943–1945 гг. Т. 13 (2–3). С. 198.

²³ Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 1943–1945 гг. Т. 13 (2–3). С. 241.

- ²⁴ Цит. по: Рубцов Ю. В. Штрафники Великой Отечественной: в жизни и на экране. С. 113–114.
- ²⁵ ЦАМО РФ, ф. 1257, оп. 115516, д. 4, л. 29, 57.
- ²⁶ Цит. по: Рубцов Ю. В. Штрафники Великой Отечественной: в жизни и на экране. С. 183.
- ²⁷ ЦАМО РФ, ф. 1257, оп. 115516, д. 4, л. 13.
- ²⁸ См.: Белоцерковский В. В. Путешествие в будущее и обратно. В 2-х кн. Кн. 1. М., 2005. С. 75; Лазарев Л. Указ. соч. С. 123; «Мы полгода провели в окопах» (интервью с кинорежиссером Н. Н. Досталем). // Труд-7, 2004, 14 октября.
- ²⁹ Пыльцын А. В. Указ. соч. С. 56.
- ³⁰ Бараболя П. Д. Указ. соч. С. 360.
- ³¹ См.: «Батальон, которого быть не могло» (интервью с В. В. Карповым). // Труд-7, 2004, 14 октября.
- ³² См. подробнее: Рубцов Ю. В. Заградительные отряды в РККА в годы Великой Отечественной войны. // Клио, 2008, № 3.
- ³³ Сталинградская эпопея. С. 207.
- ³⁴ Россия и СССР в войнах XX века. С. 441.
- ³⁵ ЦАМО РФ, ф. 1257, оп. 115516, д. 4, л. 1а–10.
- ³⁶ Цит. по: Рубцов Ю. В. Штрафники Великой Отечественной: в жизни и на экране. С. 152.